

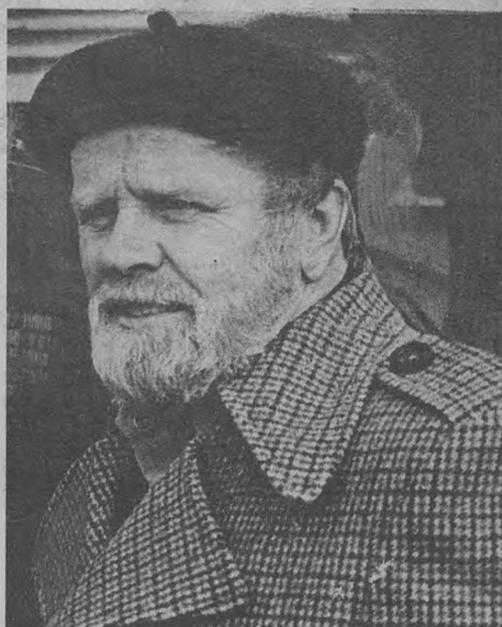
встреча с интересным человеком

Василий Иванович

БЕЛОВ,

писатель, лауреат

Государственной премии СССР



Пожалуй, нет в нашей стране читателя, которому бы не было известно имя Василия Белова. Его книги о современной деревне сразу привлекли к себе внимание. Герои «Привычного дела», «Плотничьих рассказов» и других произведений — по-настоящему живые люди, словно шагнувшие на страницы книг из реальной действительности.

Родившийся в деревне Тимониха Вологодской области писатель работал в колхозе, потом на заводе. И жизнь он знает не понаслышке, а, как говорится, изнутри.

В прошлом году за произведения последних лет он удостоен Государственной премии СССР.

ТАЛАНТ И СОВЕСТЬ

— Государственная премия присуждена вам за произведения последних лет. Что вы сами выделяете из них и считаете наибольшей удачей в своем творчестве?

— Я боюсь разговоров о творчестве. Это запретная тема. В мире существуют тайны, которые неподвластны уму. И я не знаю, что такое творчество. А удача... Сейчас мне нравятся «Бухтины», дорога сказка «Кощей Бессмертный», написанная белым стихом и опубликованная журналом «Театр» в прошлом году.

— В последнее время много писателей имен дали Сибирь, Север. Как вы думаете, случайно ли это?

— Сибирь всегда была нашим аккумулятором. Но народ живет и в Сибири, и в Москве. Москва родила и рождает многих писателей, там могучая культурная среда. Не только Север и Сибирь выплескивают писателей. У нас на Вологодской земле подросток проявляется, но он и в других местах есть. Все зависит от того, как относиться к нему — поддержать или загубить.

— Есть ли человек, которого вы считаете своим учителем в литературе?

— Учителем у писателя не может быть никто. Писать научить никто не может. В то же время дружеское участие своих старших товарищей я чувствовал не раз. Помогал мне ленинградский писатель Александр Решетов, Ярослав Смеляков дал мне рекомендацию в Литературный институт. Позднее я ощущал мощную моральную поддержку Александра Яшина и Александра Твардовского.

— Что, на ваш взгляд, в первую очередь необходимо каждому писателю?

— Талант и совесть. А еще физическое здоровье и мужество. Я не считаю себя особенно здоровым физически и мужественным. Повезло, что сравнительно легко меня печатали. А вообще для этого немало сил требуется.

— Признаете ли вы вдохновение в работе?

— Да, и отношение к нему у меня очень серьезное. Не могу заставить себя. Привязываться к столу, «ни дня без строчки», — это не для меня. Писать, на мой взгляд, надо только тогда, когда хочется. О Пушкине говорил, что он помогнул переделывать, переписывать. Но я не думаю, что он страдал и маялся при этом. Думаю, что делал он все это с удовольствием. Потому что вдохновение освобождает от тяжести любого труда, в том числе и литературного. Вдохновение облегчает труд, в этом я уверен точно.

— Верите ли вы, что литература способна влиять на общественное развитие?

— Конечно. Иначе не занимался бы литературой. Не отдельные книги могут влиять, разумеется, а литература вообще.

— Ваши любимые писатели?

— Они меняются. Сначала был Бунин. Потом Лесков. Сейчас все больше обращаюсь к Пушкину; из современной зарубежной литературы самой интересной считаю американскую. Фитцджеральд, Вулф, Фолкнер. Особенно Фолкнер. В ближайшие десять лет вряд ли кто его перешагнет.

— Василий Иванович, среди многих сложных проблем сегодняшнего дня, очевидно, есть такие, которые особенно беспокоят вас...

— Да, например, глобальное вмешательство в природу. Волнует еще урбанизация. Мы скапливаемся в кучи. Все стремится в города. Города растут неудержи-

мо. Темп жизни в них все стремительней. Я в Москве пообедать не успеваю. У горожанина нет времени со своим ребенком побыть. В метро услышал, как отец своему сыну ответил: «Да отвяжись ты. Надоел».

Беспокоит меня и то, что развитие телевидения и радио, помимо нашей воли, воспитывает потребительское отношение к искусству, к народному творчеству. Зачем самому петь или плясать — достаточно включить транзистор или телевизор. Помню деревенские гулянья, где участвовали все, буквально все — от мала до велика, талантливые и бездарные, каждый в меру своих способностей. Теперь телевизор...

— Верно ли, что вы предпочитаете работать в деревне?

— Я люблю работать там, где бы мне не мешали. А получается это лучше всего в деревне. Но и вообще жить в деревне для меня лучше. Не только потому, что там работаю. Картошку сажать, печь топить, воду носить приятно. Спорт и физкультура не могут заменить такой труд.

— Василий Иванович, насколько можно судить об авторе по его произведениям, вы человек бывалый, с умелыми руками. А как на самом деле? Можете ли вы, к примеру, поставить дом или сместить лодку?

— Что ж, плотничать я могу. Лодку могу сделать, но не буду — долго. В свободное время иногда столярничую. А работать приходилось и электромонтером, и дизелистом, и слесарем.

— Интересно, как относятся в родной деревне к вашим произведениям?

— Ищут прототипы. Как критики. Но что такое прототипы? Есть два вида литературы — художественная и документальная. Прототипы — в документальной. А то Гришке Мелехову прототип ищут...

Кстати, в родной моей деревне осталось всего шесть домов...

— От бабки Евстолии из повести «Привычное дело» мы услышали забавные байки о пошехонцах. А вам кто их рассказывал?

— Моя мать.

— Читатели отмечают в ваших книгах особую любовь к народному слову, бережное отношение к нему. Речь ваших героев словно подслушана в жизни, вы, часом, не используете в своей работе магнитофон?

— Нет, магнитофон не использую. Даже машинку пишущую не люблю. А язык... Язык рождается вместе с автором. И особая работа над языком представляется мне формальным в литературе. Слово должно в сердце, в глубине сидеть, язык в крови должен быть. В нашем крае культ языка. У нас в прежние времена образно, красиво, кратко стремились говорить все. Если не можешь, тебя считают ущербным, раньше над такими даже подсмеивались, как над теми, кто не умеет сделать топирище, не умеет вязать или вышивать.

В Сибири тоже сохранился язык, близкий нашему — вологодскому, архангельскому. Поэтому не считаю справедливыми обвинения в избытке диалектизмов. Надо просто язык знать.

— Как вы понимаете роль сельской интеллигенции?

— Так же, как и городской. Только в деревне ей тяжелей физически. Поэтому не всякий здесь приживается. В моей деревне все время исчезает фельдшерика, медпункт пустеет.

— Ваши книги популярны не только в Советском Союзе, но и в других странах. Вас часто приглашают за рубеж. Где вам удалось побывать?

— Был почти во всех социалистических странах. Ездил в Англию, Францию, Италию, Финляндию, Швецию. Но счи-

таю, что одна поездка Гоголя на тарантасе в Италию ценней всех моих зарубежных полетов, вместе взятых.

А в сентябре прошлого года вместе с группой литераторов я побывал на Кольском полуострове. Там проходили дни российской литературы и выездное заседание совета по прозе правления Союза писателей РСФСР. Обычно на подобные поездки соглашаешься неохотно — отрываю от работы. Но в Мурманск мне съездить хотелось. Интересно было поглядеть на своих земляков (их миграция в эти края, начавшаяся еще в конце 20-х годов, продолжается и сейчас, так что вологжан на Кольском полуострове немало), узнать, как они прижились, что они думают, покинув родные места. Нужна была и встреча с заполярной природой, с Северным океаном.

— Хватает ли у вас времени на кино, театр?

— К кино у меня отношение сложное и, боюсь, отрицательное. В театр хожу редко, и не потому, что не люблю. Не нравится то, что возвысили культ режиссера, который чаще всего игнорирует драматургию и актерские особенности.

Мне кажется, что наш театр злоупотребляет инсценировкой прозы. Я вообще плохо отношусь к инсценировкам. Читал как-то сценарий по «Дубровскому» — какие-то новые персонажи появились, которых нет в повести, новые сюжеты... Имеем ли мы право на такой произвол? Нет, конечно. В моей практике много было таких споров. В Ленинграде я две инсценировки запретил, в двух московских театрах. Театр должен основываться на драматургии, а не на инсценировке. Я об этом статью написал.

— Ваши пьесы с успехом идут в разных театрах страны. Насколько мне известно, последняя премьера состоялась недавно в столичном Театре Сатиры. Его главный режиссер В. Плучек поставил спектакль «ПО 208-й». Подзаголовок «Сцены из районной жизни» уже довольно четко определяет место событий. Наверное, пригодилась вам в этом случае давняя работа в районной газете. Кстати, ведете ли вы дневник?

— Пытался, но показалось, что нечто пижонское, нарочитое, неестественное в жизни появляется.

— А о чем вам хочется сейчас писать?

— Больше всего мне сейчас хочется написать пьесу о семье. На мой взгляд, семья — это дело святое. Меня беспокоит разрушение семей...

— В ваших произведениях, как и в реальной жизни, мужчины и женщины, вроде бы и близкие друг другу, часто не находят взаимопонимания. И выхода словно бы нет...

— Выход один — в детях.

— Вы считаете, что дети сближают взрослых? Простите, а у вас есть дети?

— Дочь, во втором классе учится. Мало с ней бываю. Очень жалко, потому что вижу, как она без меня на глазах взрослеет.

— Читатели много вам пишут?

— Два-три письма в день. Большинство писем сердечные и вдохновляющие. К сожалению, из-за недостатка времени не могу отвечать на все письма, люди, наверное, обижаются.

— Любопытно, как вы отмечаете свой день рождения, другие праздники?

— Отмечаю только Новый год. Дни рождения и юбилеи мне не очень нравятся. Вот у меня скоро юбилей будет, 50 лет, — не знаю, как пережить...

Беседу вел О. ЧЕЧИЛОВ, студент факультета журналистики МГУ.